

Евгений Скрипин

Родился в Дзезказгане, Казахстан. Окончил АлтГУ. Работал в краевых и городских газетах. Публиковал прозу в журналах «Алтай», «Урал», «Москва» и др. Автор книги эссе о литературе «Барнаульские поэты без иллюзий». Живет в Барнауле.

ДОКТОР БОЛЬНОВ

Доктор закончил говорить с помощницей и повернулся к Бумину:

— Так что у вас?

Только что он говорил нормально, без показной бодрости, и тише. Понятно, подумал Бумин. Считает дебилом, старым. Конченым.

На мониторе перед доктором была его история болезни.

Он пришел закрывать больничный, но на самом деле он хотел его продлить. Кашель по-прежнему душил его, Бумин терпел, сдерживал спазмы. Болела голова. Бумин достиг той фазы, когда больной начинает думать: да ну ее на фиг (про работу), что я — лошадь? Лучше полежать еще дня три.

Хотя уже и не лежал Бумин. Уже ходил Бумин, уже шутил севшим голосом. Бумин за время болезни научился не кашлять, а выкрикивать свой кашель, чтобы было не так больно. Вот и докричался, пропал голос.

Заболел он внезапно. Понял, что не сможет встать, умыться, пойти на работу. Померил температуру. Ее не было. Все остальные

признаки простуды были. Бумин вызвал из поликлиники врача. Нужен был больничный. И лекарства. Врач пришел к вечеру, послушал Бумина, вынул из кармана маленький, размером с полпачки сигарет, листок и опросил больного. Бумажка, несмотря на некоторую профанацию процесса, восхитила Бумина. Врач спрашивал, например: «Кашель сухой или влажный?» — и помечал галочкой в графе. Дальше в графе было название лекарства. «А можно, я его себе оставляю?» — спросил Бумин. «Так я это для вас и делаю!» — сказал врач и заверил листок круглой фамильной печатью. Всего было 13 пунктов, последний гласил: «Если самочувствие не улучш., добавить Супракс 400 мг x 1 р/д 5 дн».

Самочувствие улучшилось, но ненадолго. Бумин снова позвонил в регистратуру. Того, который писал на листке, Полторашкина, в поликлинике уже не было, не работал, но его могли записать к доктору Больнову. Оказалось, что записаться к доктору можно только на выписку, а если он хочет продлить больничный, надо обращаться в инфекционный кабинет. «На выписку!» — схитрил Бумин и оказался прав. В инфекционном отделении, куда он заглянул, сидели человек пятьдесят, отворачиваясь друг от друга.

Бумин вернулся в длинный коридор, нашел кабинет № 206. Потянулось время ожидания — самого длинного и нервного в больницах. Уже выяснили, кто за кем идет. Бумин шел третьим, следом за старушкой. Подходили и пытались пройти в дверь без очереди: «Мне только спросить!», — и Бумин всем видом демонстрировал отпор. Но дверь все равно была закрыта, доктора Больнова не было. Хотя прошла уже четверть часа с начала приема.

Бумин смотрел в бесконечное пространство коридора с больными по стенам. Жизнь представилась ему темным, тесным шкафом, внутри которого он сидел с самого рождения. Однажды, когда он уже осознавал себя, к шкафу пришли, схватили шкаф и понесли, как носят шкафы грузчики при переезде. Шкаф наклонялся, кренился на поворотах, в щели ненадолго проникал свет, двери перекашивались, хлопали, и снова он оказывался в темноте. Так продолжалось некоторое время, пока шкаф не дотащили до нужного места. На вечное, так сказать, хранение. Поставили шкаф, матюгнулись и ушли за следующим шкафом.

Бумин усмехнулся. «Это от болезни. Жизнь все-таки лучше, интересней. Хотя...» В коридоре сделалось движение. Люди колыхнулись и встали плотнее. К кабинету шел молодой врач — несомненно, это был Больнов. Безукоризненный белый халат, модная стрижка. Больнов сделал общий поклон и прошел в дверь. Спустя минуту за ним прошла медицинская сестра.

Доктор ничего не сказал Бумину про незаконное проникновение, ведь тот пришел в кабинет № 206 просить продления больничного, а не на выписку. Видимо, было решено, что, если больной все же прорывался на прием, не усложнять, не доводить до склок, а действовать по ситуации.

— Здравствуйте, Иван Алексеевич, садитесь, пожалуйста, — сказал доктор. И, пока благодарный Бумин усаживался на стул, пристраивал к ногам сумку, кряхтел и доставал листок, отвлекаясь на разговор с сестрой. Они обсудили некую проблему, говоря вполголоса. «Мне фиолетово», — услышал Бумин и взглянул внимательнее на сестру. Пальчики немножко толстоваты, хотя вымыты и обихожены, носик немного большеват. Скулы малость лоснятся, как лоснятся они у простушек, пудри их или не пудри. Волосы, впрочем, красиво зачесаны назад и открывают чистый лоб, милые уши с капельками серег. Бумин успел рассмотреть и доктора. Юноша из медицинской семьи, явно непростой, высококоранговой. Это заметно. Заметно также, что сестричка влюблена в него, а он в нее — нет. А она очень хочет выйти за высококорангового юношу. Но это вряд ли. Разве только по залету.

— Так что у вас? — повернулся доктор к Бумину, меняя голос и напустив бодрости. Бумин сказал. Доктор Больнов послушал его стетоскопом. — Вы что от кашля принимаете?

Бумин сказал. Доктор Больнов покрутил головой:

— Ну, этим вы кашель не вылечите!

— Так вот же, — сказал Бумин, показал бумажку. — Сухой кашель...

— Сухой-то он сухой... — туманно пояснил доктор.

Но выходило, что он как бы еще и немного мокрый. Бумин подавался вперед к доктору, когда тот говорил, вращал глазами и, казалось, вот-вот назовет его «ваше превосходительство». Его превосходительство был молод, но ухо все равно надо было

держат востро. Медики тоже люди, несмотря на белые халаты. Загреметь в больницу теперь в той же степени опасно, как взять кредит в банке.

— Купите вот эти, — сказал доктор. — Это хорошие таблетки, и стоят недорого, копейки.

Копейки оказались круглой суммой в 450 рублей. Но из аптеки Бумин вышел с легким сердцем. Больничный ему продлили на пять дней. Это он явно перед молодой выдрючивался, решил Бумин. Красовался. Ничего себе копейки!

Снег падал хлопьями на перекресток, на людей и на машины. Прогремел трамвай. Нет, жизнь непростая штука! Интересная. Может быть, что-то у них с молодой и сладится, подумал Бумин. Хотя...

БОГ ТАМ, ГДЕ СОЛНЦЕ

Солнце дает нам возможность выпендриться, воссиять. Вот ты едешь через лес (ну — лента дороги идет меж огромных сосен) и впереди идущая машина, выходя из тени, начинает вдруг светиться, как игрушка. Или сосны: та их часть, стволы и ветви, что находятся в тени, как будто не живут, хотя живут, конечно, но какая это жизнь! А их верхушки, которых уже коснулось солнце, с удовольствием являют себя миру. Не то чтобы они гордились или делались заносчивы, сияние их искреннее, они радуются и хотят радовать других — как девка в новом платье.

Распопов покосился на Татьяну. Она курила, держа руку с сигаретой на отлете, и смотрела в сторону. Распопов не любил, когда в его машине курят, но Татьяне было можно. Видит ли она эти верхушки сосен?

Машина шла легко. Распопов радовался утру — хорошо, что поднял женщину раным-рано и выехал из городка туристов еще до восхода солнца. Теперь рассвет догонял машину и, как всегда в горах, делал утро праздничным, холодным, бодрым. Слева, за соснами, угадывался обрыв берега горной реки, справа

теснились скалы. Впереди лежала ровная дорога, повторяющая изгибы реки.

— Ну так и че Менегетти? — сказал, поправляя зеркало, Распопов.

Они давно молчали, с самого выезда из городка, и надо было уже что-то говорить. Вчера Татьяна вывалила на него мешок не нужной ему информации про Менегетти, гуру в их мире, итальянца. Он был и швец, и жнец, и на дуде игрец. Писал трактаты — теология и философия, сочинял музыку, рисовал, пел. А главное — был коучем, читал по миру лекции. Он был психолог, и она была психолог.

«Антонио — маэстро! Я не верила сначала, что один человек может так много, но потом убедилась в этом. Ездила за ним повсюду — Франция, Латвия, Италия. В Бразилии семинар проходил на загородной вилле, но добирались мы от Порто-Аллегро. Рим, Милан, Сан-Феличе ди Чирчео... В Нью-Йорк меня не пустили, не дали визу, никому из Питера не дали. Я рыдала». Он зажал ей рот ладонью — «Хватит!», — и они занялись тем, ради чего сюда приехали. Кексом.

Распопов приезжал по делу в Питер. Легкая, живая, она поразила бизнесмена из Сибири умом и невыдуманной простотой, за которой чувствовалась мудрость.

Английский и итальянский свободно, еще пара европейских сносно, — она помогла Распопову в делах, и он посчитал себя обязанным. Пригласил Татьяну в горный край, дело было весной, а летом, в начале июня, уже встречал ее в порту, сажал в машину и мчался сюда, откуда они теперь выезжали.

Городок был хорош. Распопов сразу влюбился в курортное местечко, в дымок шашлычников, в торговцев раками у пивных, красноносых, как панцири раков. Хорош был отель. Номер понравился Татьяне, а Распопову тем более. Плохо было то, что вскоре стало ясно, что они чужие.

Это никак не выражалось внешне. Они были милы, предупредительны, шутили, веселились, только трещина легла и расширялась. «Почему?» — думал Распопов. Ну, допустим, ей не нравилось, что он творит молитву. Он старался скрывать, но Татьяна попадала на нее. Молитва была такая: «Господи! (Тут Распопов

поднимал голову, крестился.) Прости, спаси и сохрани нас всех! Дай ума дураку! Царица Мать небесная! (Опять он, пуще прежнего, задирает голову.) Прости, спаси и сохрани!»

Молитву он творил, когда пил. Это ее и бесило. «Ты же не веришь! — говорила она, заставляя его за молитвой. — Что ты несешь!»

Были претензии и более серьезного порядка. Например, она говорила: «Ты хоть понимаешь, что такое эстетизм?» Ночью все было хорошо, но наступало утро, и они опять были чужими.

Поняв, что она ему не интересна (то есть он не интересен ей), Распопов полюбил бродить один по городку.

Шел и думал: как бы было здорово, чтобы вот эту маленькую речку, этот мостик над ней, этих раков и дымящие мангалы показать жене и сыну, которые сейчас сидели дома и, наверное, переживали за него, работника.

Солнце росло. Распопов почувствовал, что хочет повернуться назад, за стекло, откуда падали лучи. Бог там, где солнце, подумал Распопов. Вот так все мы, как шляпы подсолнухов, вращаем голову вслед за светилом.

— Так че маэстро-то? — сказал Распопов. Татьяна никак не отреагировала на его первый вопрос. — Ты хоть спала с ним?

И в этот раз она не сочла нужным говорить, только pokrивила губы: что слышит, но отвечать на глупости не будет.

Машину повело, и с такой силой, что стало понятно — что-то с шиной. Теряя управление, Распопов вывернул руль вправо, куда понесло «Тоёту». Автомобиль защелкал по камням обочины, один, другой раз, взлетел вверх и встал.

Не глядя на Татьяну, (она сцепила руки и молчала), Распопов вышел из машины. Ясно. Колесо надо менять. Запаска была в багажнике машины, это не проблема. Но «Тоёта» умудрилась лечь порогом на огромный камень. Как ее спихнуть с него, Распопов не знал. «Хорошо, что справа», — подумал Распопов, глядя на обрыв к реке, которая была тут совсем близко к шоссе, шумела внизу, яростная и могучая.

Татьяна вышла, осторожно выдвигая ноги. В шортах. Закурила.

— Ну, и что теперь?

— Ничего. Гуляй, отдыхай.

Распопов заменил колесо. Домкрат не пригодился — нос у «Тоёты» задрался, как у самолета. Распопов ходил вокруг машины, матерился (про себя), не знал, что делать. Сил было мало. От Татьяны толку никакого. Но и Распопов был бессилён. Хотя бы лом!

— Будем голосовать, помогут, — сказал он.

Но голосовать было некому. Белый «Мерседес», промчавшийся пред ними и сверкнувший, как игрушка, красками и фонарями, был единственной машиной кроме них на трассе. Слишком рано.

Проехала и остановилась еще одна «Тоёта», девушка высунулась из окна и спросила, может ли помочь. Распопов мрачно пошутил: «Лом есть?» — «Нет». Девушка уехала.

А вскоре из-за поворота вывернула машина-фургон. Распопов замахал руками: «Стой!». Фургон остановился.

Из кабины вылез, отделился от машины и стал человеком мужик в кепке, с розовой физиономией. Водила. Следом вылез другой, длинный, как шест. Пошел к Распопову.

— Мужики! — растопырил руки он. — Поможете?

— Мужики в поле пахут, — сказал длинный. — Что тут у тебя?

— Да вот, — сказал Распопов. — Занесло. Попал.

Длинный обошел машину, увидел валун.

— Неси лом! — сказал он водителю. Водила пошел открывать фургон, долго гремел там. Принес лом.

— Тут вдвоем не справиться, — сказал длинный Распопову. — Давай, впрягайся.

Втроем, красные от напряжения, они уперлись в асфальт и свалили машину с камня. «Тоёта» села на четыре колеса. Как тут была.

Все произошло так быстро, что Распопов не успел подумать, сколько ему надо отдать мужикам.

— Мужики, сколько?

— Нам денег не надо, — сказал длинный. Только теперь Распопов понял, что мужики оба с бодуна, тяжелого похмелья. — Ты вот что. Поезжай, у нас к тебе вопросов нет. А с бабой мы поговорим.

Длинный подмигнул Распопову.

— Как это?

Длинный повернулся к своему водителю:

— Не, понял, он не понял! Вали, говорю, отсюда!

— Что?

— Вали, пока тебя ломом не перепоясали. Бабу вернем. Все, пошел вон.

Распопов встретил взгляд Татьяны. Она стояла, вывернув за-чем-то руки, тонкие, ладонями вперед. Как «здрасьте».

Мужики, Распопов понял, не шутили. «Вот, может, и смерть моя пришла», — подумал он. Бросить Татьяну он не мог. Справиться с этими двумя тоже.

Они же забыли про Распопова и занялись Татьяной.

— Не бойся, барышня. Что ты!

Они пошли на нее.

Распопов нагнулся и поднял с земли домкрат. Это был не тот домкрат, какие были в юности Распопова, с огромной ручкой и тяжелым основанием, но и этот агрегат мог стать грозным орудием. Распопов, недолго думая, ударил железякой в висок длинному, он был к нему спиной, как и водила, а когда тот повернулся, хрястнул ему прямо в лицо, и услышал, как сломалось что-то в розовом лице водилы.

— Садись! — сказал он Татьяне.

Двое лежали у дороги, длинный не подавал признаков жизни, а розоволицый скулил и сучил ногами.

«Тоёта» рванула с места.

Верхушки сосен продолжали сиять, только их никто не видел. Распопов глядел строго вперед, выжимая из машины все возможное. Татьяна сидела, вжавшись в кресло, не смотрела в его сторону. «Может, снова спросишь, что такое эстетизм? — подумал он. Ему было жалко ее — гуттаперчевую, с мягкими руками, за которые опасно было братьяся. — Черти! Это вы не верите. А мы верим. И простит, и сохранит!»

Машина спускалась ниже, чтобы скоро выкатиться в яркую зеленую долину, всю залитую солнцем. И уже дальше мчаться к своей цели — башням большого города в степи.

ПРОЩЁНОЕ ВОСКРЕСЕНЬЕ

Этим утром Невидимке показалось, что его все замечают в заведении. Хотя такого, разумеется, не могло быть. Возбуждение царило в атмосфере, но его следовало приписать календарю: сегодня был обычный необычный день в салоне госпожи Будур. Она устраивала его раз в году, день выпадал на февраль или март. От этого зависело, пахнет в салоне окончанием зимы или началом весны. Все остальное шло по расписанию.

И все-таки он видел, проходя по комнатам, как поворачивают головы за ним или внезапно обрывается на полуслове разговор. Они сами не понимали, что вдруг заставляло их напрячься и прислушаться, притушить ссору или смех. Он, улыбаясь, выходил. За дверью возобновлялся разговор.

Писатель сидел у хозяйки, хлебал чай из ее кружки. Перед ним была горка блинов. Писатель любил блины, хозяйка знала это и готовилась к его приходу.

— Сама печешь? — сказал писатель.

— Мама. Вы же знаете!

— Да, точно. Передай спасибо. Очень вкусно!

— Наших видите?

Когда-то они работали в одной компании. Кризис разметал их.

— Встретился недавно с Ксюхой. Помнишь?

— Еще бы! Она нашла работу?

— Она, оказывается, теперь верует. Заделалась монашкой.

— Опа!

— Ага. Я говорю, в какую-нибудь секту вляпалась? Она обиделась.

— Ксюха — монашка?!

— Ну, условно. Говорит — уже девять месяцев ни с кем...

Теперь обиделась хозяйка:

— Девять месяцев она! Смотри-ка!

За ресепшн прошла распорядительница, к микрофону.

— Внимание, девочки! Максим Максимович приедет через полчаса. Прием начинается в 11 в японской комнате. Повторяю...

Она запнулась и уставилась на дверь. Показалось, что из двери кто-то вышел. По холлу прокатилась струя воздуха. Сквозняк, решила она. Вот, опять волна.

— Слишком много на себя берете, — сказала хозяйка, подливая чай писателю.

— Создавать свой мир — это прерогатива Бога, — кивнул тот. — Но и писателя!

— Вот я и говорю. Нельзя ли проще? Сколько сейчас платят за создание миров?

— Нисколько, — сознался писатель.

— Вот я и говорю. Кстати, алкоголя не желаете? У меня есть коньяк.

— Спасибо, нет.

Писатель стал писателем недавно и любил такие разговоры.

— Мое желание — стать невидимкой.

— Зачем?

— Подглядывать за жизнью людей. Проникать в спальни, в тюрьмы, в кабинеты, читать через плечо чужие письма...

— А зачем?

— Чтобы знать правду.

— А по-другому ее что, нельзя узнать?

— Свою — можно. Но мне нужна вся правда.

— А то вы ее не знаете!

— Эта Будур меня уже достала. Жаба!

Двое сидели на красных кушетках. Наводили легкий мейкап.

— Нет, наша ничего.

— Ничего, только шестьдесят процентов — ей. За что?

— У других 70 на 30.

— Брось ты! Не слушай ее. Давно нет такого!

— А выходной? После обеда погуляем. Тебе что, не нравится?

— Ой, ладно! Потом будем молотить неделями.

— Хватит! Мне уже неинтересно.

— Ну, ты же у нас всегда первая! Ботанша. Сайт открываешь: «Лола — лучшая!»

— Вот доктор приезжает на дом.

— И сиди теперь не жравши. Доктор!

Они замолчали и прислушались. Напряжение повисло в комнате. Потом прошло. Девчонки посмотрели друг на друга и расхохотались.

— Ты, Лолка, прости меня. На меня иногда находит.

— И ты меня, Любка, прости.

Через полчаса в японской комнате Лолу осматривал Максим Максимович. Что-то ему не нравилось. Лола сидела, прижимая к руке ватку.

— Лола... Или как вас?

— Вероника.

— Я разве не смотрел вас в прошлом месяце?

— Я уезжала.

Максим Максимович взял колбу с кровью Лолы из коробки и пометил крестиком.

— Дождемся результатов.

— А...

— Идите пока, идите. Я скажу хозяйке.

В холле под растяжкой «Welcome to paradise» сидели две девчонки. Одна в халате, в шлепках, с полотенцем вокруг головы. Другая в белом парадном костюме. Рядом сумка на колесах. Приезжая как младшая сестра смотрела на подругу:

— А живешь где?

— В раю.

— В раю?

— У нас тут и живу. Парадиз же — это рай. Комнаты у нас.

— А! Ну и рай у вас!

— А что? Жить можно.

— А работа?

— Че работа? Нормально. Ручки целуют... — она засмеялась. — Ты-то как? Как там у нас?

Она осеклась и подняла глаза на Невидимку. Нет — она не могла его видеть. Нет, конечно. Вторая девчонка проследила за взглядом подруги, побледнела:

— Надь? Что тут у вас?

— Прости. Что-то мне дурно стало...

— Меня хотели назвать Соней. — Хозяйка вышла проводить писателя. В холле было полутемно и пусто. — Папа хотел. Но мама отказалась.

— А Будур откуда?

— Да это до меня придумали! — сказала хозяйка. — Госпожа Будур! Бр-р...

— Спасибо, — сказал писатель. — Хорошо посидели. И работу сделал.

Хозяйка разрешила ему выкатить на принтере и на бумаге заведения текст новой повести.

— Заходите! Всегда рада. Вы меня простите, если что...

— Ага. И ты меня прости.

Хозяйка его перекрестила:

— Бог простит!

Невидимка вышел следом за писателем. Посмотрел ему в спину и сошел с крыльца. И сразу что-то изменилось в заведении. Невидимка как будто услышал общий выдох облегчения в покинутом им доме. Невидимка усмехнулся. Он прекрасно понимал, как с ним непросто. Между тем солнце уходило, наступали фиолетовые сумерки. В храме, кресты и купола которого были видны отсюда, забили к вечерне. Колокол всегда бьет сухо, так пронзительно, так ладно, как будто звонит только для тебя. Тем более, что так оно и есть.

Невидимка произнес про себя: «Госпожа Будур». Помял слова небом и языком. Вытянул губы трубочкой и сказал вслух, растягивая «йюу»:

— Госпожа Буду-у-ур!

Человек впереди споткнулся, оглянулся дважды и прибавил шагу. Никого больше на дороге не было.